

В Е Р А
Колочкова

Привычка
жить

Р О М А Н

МОСКВА

Секреты
женского счастья

П Р О З А

Веры Колочковой

В Е Р А
Калачкава

Привычка
ЖИТЬ

Р О М А Н

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Оформление серии *С. Власова*

Колочкова, Вера.

К61 Привычка жить / Вера Колочкова. — Москва : Эксмо, 2018. — 288 с.

ISBN 978-5-04-097177-0

Как раз под Новый год все самое плохое собралось для Евгении в один клубок. И неожиданное предательство мужа, и развод, и безденежье в скорой перспективе, судя по размеру алиментов на содержание двоих детей. Но ведь праздник, дети ждут подарков. И решила Евгения продать шубу. А что делать? Больше надеяться не на кого, только на себя. Шубу Евгения продала... а за этим последовали весьма пугающие события, которые, как ни странно, принесли за собой то самое настоящее чудо...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колочкова В., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-097177-0

Продавать шубу или не продавать? Вопрос, конечно, интересный. Можно сказать, шекспировский даже. Правда, гордый принц Гамлет такими заурядно-бытовыми вопросами и не задавался вовсе, но тем не менее... А если уж совсем по совести, то ему-то как раз намного легче было, гордому принцу Гамлету — ему не надо было думать ежечасно, где бы себе денюжат добыть на хлеб с мясом да на всякое остальное средневековое пропитание. Вот и мучился себе своим философским «быть или не быть». Сытому-то можно и помучиться, отчего ж нет. Тем более, когда двое детей-школьников твою шею вниз не тянут и не надо их кормить завтраком, обедом да ужином... А вот если они в твоей жизни все-таки присутствуют, эти юные проглоты со своими растущими организмами, тогда что? Одно тогда и остается — смотреть на свою шубу любимую и мучиться неразрешимым вопросом:

ВЕРА КОЛОЧКОВА

продавать, не продавать? Хотя продавать — убей как жалко! Вся зима еще впереди. Теперь уж никогда такую не купить. А с другой стороны — где она еще денег возьмет? Скоро Новый год, детские подарки, наряды, каникулы... Вот интересно, какой умник придумал праздновать эту ночь, самую по сути заурядную, холодную и зимнюю? Кому такая жестокость в голову могла прийти? Нет, оно конечно, оно красиво все придумано, кто ж спорит... И сказка, и чудеса, и прочие блески да всплески романтические. А если, например, человек совсем одинок? Вместо чудес и сказок — плевков ему в душу? Или, например, у человека этого возможности совсем нет взять и бешено на эту новогоднюю романтику потратиться? Наверное, кошелек у этого новогоднего умника-придумщика слишком толстый был, хорошо ему. А остальным что делать прикажете? Тем, у кого денег на все эти подарочно-съестные вакханалии просто нет и в ближайшем будущем не предвидится? Как им, этим остальным, выплывать из этого суетливого предновогоднего времени? Против течения грести? А толку? Все равно не услышат, не поймут. А тем более дети не поймут. Хоть как ты им объясняй, что день этот да ночь — обыкновенные сутки прочь. Не поймут и не примут. Потому что с малолетства уже приучены и к елке под потолок, и к доро-

Привычка жить

гим подаркам, и к стандартно-заказному приходу подвыпившего мужика с ватной бородой под руку с наглой девицей в бело-блестящих одеждах и с килограммом косметики на лице. Сейчас, правда, можно уже и без елки обойтись, и без Деда Мороза со Снегурочкой, но от остальной растратной суеты все равно никуда не денешься. Привычка — она же вторая натура. Так что последнюю одежду ты, мать, с себя сними, а праздник дитям обеспечить. Им, дитям, как говорится, мороженое, а баба и без цветов обойдется...

Женя вздохнула горестно, еще раз провела рукой по нежному норковому ворсу, потом решительно захлопнула дверцу платяного шкафа. Подойдя к окну, задумчиво уставилась на серо-снежную улицу — солнца нет, машин немного, редкие прохожие на притоптанных тротуарах. Вот она — тусклая сонливость позднего декабрьского субботнего утра — как раз под ее настроение. Черт, а шубу и впрямь жалко. Но она подумает еще. Мало ли что может случиться за оставшиеся до праздников две недели? А вдруг на нее деньги какие-нибудь возьмут да и свалятся? А что, бывает же. Может, на бывшего супруга совесть вдруг отцовская снизойдет и устыдится он суммы копеечных своих официальных алиментов? Хотя это вряд ли... Некогда ему нынче совестью устыжаться, он новую

ВЕРА КОЛОЧКОВА

жизнь затеял. Как сказал — настоящую. С ней, с Женей, значит, ненастоящая была, а теперь у него настоящая началась. Недавно видела его — похудел, спина прямая, глаза горят. Не мужик — орел воспаривший! Уже два года прошло, как парит и парит себе в лазоревом небе, все купается и купается в новых высоких отношениях. А она тут, на сырой земле, ползает жалкой ящеркой, вся в трудах и заботах тяжких, и никакого тебе парения, и ничего такого нового и высокого у нее на горизонте не высветилось, кроме долгой и холодной зимы в старом пуховике. Да, именно в нем, постылом и старом, потому что никуда не денешься, придется-таки отдавать любимую шубу на заклятие проклятущего растратного праздника.

Вообще раньше, в той еще жизни, у нее было две шубы. Одна дорогая, а другая очень дорогая. Ту, очень дорогую, она продала сразу же после коварного супружеского предательства. То есть в первый же месяц, как осталась без стабильного мужниного дохода и пребывала в некой наивной растерянности: чего ж это, мол, такое нехорошее со мной происходит?.. Деньги тогда ушли так моментально, что она испугалась уже по-настоящему. И наивность всю как рукой сняло. Поднатужилась, встряхнулась, начала обустраиваться в новой жизни. Только плохо, видно, обустраива-

Привычка жить

лась, раз очередь и до второй шубы дошла. Вот этой. Любимой. Жалко. Ох, как жалко...

Но все равно — не вечер еще! Продать — это легко, эту операцию за десять минут произвести можно. Вон только до соседки Оксанки дойти. Уж она устроит ей эту продажу в ближайший же вечер, как только к ней очередной Магомет или Автандил по своим потребностям на огонек заглянут. В свою же пользу и устроит. У нее этот спектакль купли-продажи так отрепетирован, что сам Станиславский вместе с Немировичем-Данченко обзавидовались бы, если б хоть раз на него глянули. В этот спектакль уже и дорогушее вечернее Женино платье провалилось, и колечко с бриллиантом, и сережки... А больше у нее ничего стоящего, что могло бы Оксанку заинтересовать, и не осталось. Только шуба. Оксанка как раз третьего дня, встретив ее в лифте, намекнула, что шубку она у нее тоже как-нибудь бы прикупила. Конечно бы прикупила! Такую шубку хоть кто бы прикупил — тем более за полцены.

Снова вздохнув, Женя отошла от окна, продолжила свое прерванное занятие — субботнюю уборку квартиры никто пока для нее не отменял. Тем более и поторопиться с этой уборкой уже пора было. Скоро Максимка придет с тренировки, уставший и голодный, а у нее и обеда

ВЕРА КОЛОЧКОВА

нет. А потом и Катьку надо измудриться едой горячей накормить, когда придет она от своего английского репетитора. Хоть силой впихнуть, а надо. Если это дело проворонить, так целый день голодать и будет, до сине-обморочного состояния себя доведет в два счета. Фигуру она к Новому году блюдет, видишь ли. Жирного не ест, мучного не ест. И даже от сладкого героически нос воротит. Пятнадцать лет девчонке — а уже у нас озабоченность фигурная наружу выскочила, куда с добром! Черт бы побрал этот Новый год, как с рельсов все съехали, ей-богу... День как день. Чего ради него себя голодом морить? Хотя и она, бывало, в те, беззаботные свои времена, к этому празднику готовилась, худела да о нарядах думала. И настроение всегда было такое... летящее. Вот же идиотка была! Лучше бы копеечку на черный день втихомолку ныкала, чем полетами этими увлекаться! Вот он, черный день, пришел, и что? Ни копеечки за душой нет. А без нее, без родименькой, какие такие полеты могут быть? Прижми крылышки да сиди, как курица на насесте. Да уж, была жизнь, и не стало жизни... Хотя в прошлое свое лучше даже и в мыслях не возвращаться, она это давно уже поняла. Пусть плохонькое, но пусть будет настоящее. Так что хватит ныть... И на Катьку ворчать тоже хватит. Она ж девчонка, ей праздника хо-

Привычка жить

чется, чуда хочется... Вдруг это чудо в Новый год случится, а у нее лишние килограммы наружу вылезут? Иль прыщи какие, не дай бог? В ее возрасте — это уже катастрофа! Человек, понимаете ли, чуда ждет, а вам тут прыщи с килограммами.

Усмехнувшись, Женя отжала тряпку, огляделась придирчиво. Вот и все вроде. Порядок везде. Только пыль с книжных полок еще убрать. Ах, да, чуть про аукубу не забыла! Ее ж тоже освежить надо. Все время она про нее забывает, про бедную свою сиротинушку... Она, конечно, не просит ничего, стоит себе послушно, всем довольная. Хорошо ей — ничего ее не волнует: ни дети, ни хлеб насущный. Потому что она — аукуба. Большое декоративно-искусственное растение в красивом расписном горшке, абсолютно нагло прикидывающееся натуральным и потому обреченное на жизнь в доме вечнозеленую. Сейчас, погоди, и до тебя доберемся... Вот, каждый лист мягкой тряпочкой протрем, чтоб свежим золотым вкраплением в глаза плеснуло, будто по-настоящему.

Растение это синтетическое прижилось у них в доме очень основательно, еще с тех времен, когда здесь бабушка Женина хозяйничала. А потом бабушка умерла, а дерево осталось, перешло в наследство к Жене вместе с бабушкиной квартирой. А может, это кустарник такой

ВЕРА КОЛОЧКОВА

был. И ничего ему не делалось с годами, хоть и было оно трёпано порядочно народившимися потом на свет Катькой и Максимкой. Видать, знатным мастером своего дела это вечнозеленое творение было создано, потому что умудрялось всегда выглядеть так, что никто из чужих, в дом приходящих, ни разу не заподозрил его в явной фальшивости — вольно вытянутые тонкие кожистые листья удачно обманывали глаз, трепетали грациозно от любого человеческого по комнате движения, отражая от себя свет яркими золотыми искрами-вкраплениями. Красиво. Очень красиво. И все будто по-настоящему. Иногда Жене казалось, что оно и впрямь живое, это растение, под нежным названием аукуба японская. В народе зовется — золотое дерево. А по их, по-семейному, просто «куба». Говорят, приносит в дом богатство и счастье. И правда — приносило когда-то. Насчет большого богатства — вопрос спорный, конечно, но достаток у них в семействе точно был. И счастье, как Жене казалось, тоже было. А что? Все ж было хорошо у них, спокойно. Ни скандалов тебе семейных, ни ревностей-подозрений оскорбительных, ни других каких нехороших обстоятельств. Жили себе, детей двоих растили... Муж ее, Игорь Михайлович Ковалев, имел небольшой, но довольно стабильный торговый бизнес, на доход от

Привычка жить

которого можно было жить, как говорит ее подруга Ася, по принципу «сначала глаз на продукт, потом на ценник». Хороший такой принцип, достойный и справедливый. А вот когда у тебя глаз сначала на ценнике испуганно застывает, а потом уж позволяет себе, в зависимости от цифры на ценнике, и на сам продукт опуститься, тут уж все, пиши пропало. Это значит, ты уже по-другому принципу живешь, по бедному и несправедливому. Что подешевле да похуже, то и твое. И привыкать к этому новому принципу очень тяжело. Особенно после пятнадцати лет благополучного замужества, когда уже и подвоха никакого не чуешь, и собираешься жить и жить так дальше, до самой старости. А оно тебе раз — и начинай все сначала. Садись за парту и учись. Жаль только, не учат этому нигде — как плавно перейти из хорошей жизни в плохую. Без вреда для нервной системы и всего организма в целом. Оно конечно, можно и самостоятельно эту науку освоить, но не так же быстро... Вот у нее, у Жени Ковалевой, например, два года такой учебы на полную двойку прошли. Пока из первого шока мужниного скоропалительного предательства выходила, пока работу искала, пока вспоминала потом лихорадочно, чему ее в экономическом заочном институте учили — полгода как корова языком слизнула. И сейчас еще не всем организ-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

мом она в эту новую жизнь вошла. Он, организм этот, натянут пока на новую жизнь, как струна на скрипку. Одно неверное движение — и такая грустно-истерическая нервная какофония выходит, что хоть беги. Только куда бежать-то? Бежать ей некуда. Надо жить, надо работать, надо исполнять свои материнские обязанности...

Работу она, правда, с перепугу довольно быстро себе нашла. А может, и плохо, что быстро. Надо было все-таки с этим делом не торопиться, посмотреть, подумать, все взвесить... Но с другой стороны — кто ж знал, что на этой фирме такие зарплатные катаклизмы время от времени случаются? В пятницу собрал всех шеф у себя в кабинете и объявил, что надо бы всем как-то выкрутиться и «подтянуть пояса» — денег, мол, к Новому году на зарплату не будет совсем. У фирмы, мол, неприятности, счета временно арестованы и все такое. Нет, он приличный довольно-таки дядька, их начальник, и очень даже искренне извинялся за доставленные коллективу неудобства, но легче от этого никому не стало. Вышли с понурыми лицами, разбрелись по кабинетам. И враз тишина нагрянула — даже телефоны все смолкли, будто устыдились в горе людей беспокоить. И правильно. И не надо. Когда человек думает, как ему выкрутиться наизнанку и как потуже пояс затянуть, чтоб голод им не

Привычка жить

командовал, ему и не до работы совсем. Вообще коллектив на фирме хороший был, дружный. А это очень даже неплохо, когда можно две сразу вещи совмещать — и деньги зарабатывать, и дружбу дружить. Это тоже дорогого стоит, между прочим. Ради этого можно и зарплатные неудобства иногда перетерпеть. Если б они только не предновогодние были, неудобства эти. Вот же проклятый праздник, оторвать бы голову тому, кто его выдумал! Блескучая обязаловка, а не праздник! Ну как его без денег-то праздновать? Но ничего, ничего, еще не вечер...

В который раз успокоив себя этим «еще не вечером», Женя быстро сварила суп-рассольник и нажарила полную сковородку котлет, из всех сил постаравшись придать этим странным и неизвестно из чего сделанным дешевым колобкам видимость и впрямь настоящего гастрономического продукта, то есть добавила в сковородку и рубленой зелени, и чесночку, и тертой морковки, и приправ всяких. Ничего, сойдет. Максимка, когда с тренировки домой возвращается, вообще съедает все подряд, а для Катьки у Жени немного творогу припасено. Если дочь от навязанной матерью обеденной калорийности откажется. Хотя какая уж тут калорийность — название одно. А вот и звонок дверной требовательный как раз ко времени. Газ — выключить,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

руки — сполоснуть и бегом в прихожую — голодный сын пришел.

— Мам, как вкусно пахнет... — тут же повел носом Максимка, едва ступив в прихожую и сбросив с плеча огромную черную сумку с хоккейной своей амуницией. — Это чем? Чесноком, да? А что у нас с чесноком?

— Котлеты, сынок.

— А просто так мяса нет? Чтоб не котлетой, а куском?

— Нет. Куском нет. Да какая разница, сынок? — нарочито беспечно махнула рукой Женя, поспешив ретироваться от опасных сыновних вопросов обратно на кухню. — Раздевайся быстрее и мой руки — обедать будем.

— Ага, иду... — покладисто согласился Максим, шмыгнув с мороза носом.

Вскоре появившись на кухне, рухнул на свое любимое место на твердом диванчике, одновременно потянувшись рукой за хлебом и кося глаз в тарелку с супом. Потом принялся молча и с аппетитом есть, отдавшись процессу насыщения полностью. Женя села напротив сына, подперев щеку рукой, стала смотреть, как он ест — совсем уже по-мужицки. Чувство вины за худосочные перловые калории пустого супа-рассольника зашевелилось внутри противненько, норовя тут же перерасти в жалостливую внутреннюю истерику,

Привычка жить

но она-таки сумела наступить ему на горло. Вот еще — нежности какие. Нельзя, нельзя теперь ей этого. Нормальная еда — суп-рассольник. Сейчас еще и котлеты какие-никакие будут. А потом — чай с печеньем. А можно и с брусничным вареньем. А что? Брусничное варенье — оно такое. Его можно вместо витаминов в рацион назначить. Анна Ивановна нынче много брусники наготовила и с ней щедро поделилась. Хорошая она, Анна Ивановна... О! А кстати! Можно же и у нее денег на Новый год попросить! Тем более что они у нее в последнее время очень даже хорошо водятся. Не совсем так, конечно, чтоб куры дачные их не клевали, но все же...

Анна Ивановна была бабушкиной подружкой. Еще в бытность свою далеко не пенсионерскую приобрела она домик в деревне — собиралась прожить остаток жизни в здоровой сытости, то есть на продуктах, добытых в натуральном хозяйстве, потому что женщиной была разумной и на покупательскую способность государственного пенсионного обеспечения легкомысленно не надеялась. Прикармливалась потом от этого натурального хозяйства и Женина бабушка, пока не умерла. А потом и Женю Анна Ивановна все пыталась «поддержать» то гусятиной мороженой, то овощем бесpestицидным, то соленьями всякими. А потом Анне Ивановне

ВЕРА КОЛОЧКОВА

пришлось-таки свернуть свое деревенское хозяйство по причине — смех сказать — вступления на хлипкую стезю шоу-бизнеса. Да, смешно звучит, конечно, но случился в жизни восьмидесятилетней старушенции такой вот парадокс.

Приехал как-то в их деревню молодой парень на черной иномарке, огляделся, пошел по дворам в поисках неизвестно чего. То есть он-то, конечно, сразу знал, чего ему надо, а деревенским и невдомек было, зачем это парень старух собирает да песни петь просит. Все поначалу решили, что он из тех, которые раньше по деревням всяческий фольклор для науки лингвистической выискивали. Ну и старались от души, память свою старую напрягали, чтоб этот фольклор по полной программе ему выдать. Исподтишка радовались даже — неужто время вспять повернулось? Потому что если такие парни на дорогих машинах фольклором да диалектом заинтересовались, то точно вспять время пошло! В прежние времена много таких ценителей по деревням рыскало... А потом оказалось — нет. Никуда время и не думало поворачивать. Просто парень умный оказался. Можно сказать, талантливый даже. Собрал потихоньку маленький хор из четырех старушек, которые попрямее, покрепче да пофактурнее, обрядил их в русские сарафаны с кокошниками да научил петь дере-

Привычка жить

венскими частушечными голосами современные песни, которые молодежь поет. Смешно получилось. И не столько смешно, сколько до безобразия креативно. До полного то есть безобразия. Как раз до такого, которое публику и притягивает. Сначала публика обалдевает от громко-дребезжащего старушечьего «...я сошла с ума, мне нужна она...», потом в истерике заходится, а потом рукоплещет как сумасшедшая. И требует еще. И получает очередную порцию старательного выведенного «...мой мармяладной, я не права-а-а...».

Попала в этот странный коллектив и Анна Ивановна. Под чутким руководством новоявленного «продюсера» Аркаши исколесила сначала всю область, а потом и на межобластной гастрольный уровень старушки выскочили. Особенный успех они имели на корпоративных богатеньких вечеринках — народ изгалялся вовсю, заходясь диким смехом и одновременно подпевая «мармяладному» и «джаге-джаге». Аркаша тоже во время их выступлений в стороне не оставался — старательно входил в образ паренька деревенского. То есть торжественно тупел-застывал лицом и, сидя перед своим народным хором на стульчике, наярывал лихо на гармошке, давая музыкальное сопровождение. И им, старушкам, строгий наказ дал — не смей даже и улыбнуть-